

Е.В. Беспалова (Россия, Самара)

АРГУМЕНТАЦИЯ В ЛАНДШАФТНОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматриваются возможности описания ландшафтного дискурса современного романа с точки зрения его включённости в аргументацию. Инструментом анализа выступает понятие топоса аргументации. Сопоставляются варианты реализации ТОПОСА ПРОГРЕССА, ТОПОСА НОВОГО РОЖДЕНИЯ / НАЧАЛА и ТОПОСА РАЗРУШЕНИЯ. В процессе анализа формулируются схемы аргументации и выявляются семантические индикаторы топосов.

Ключевые слова: ландшафтный дискурс, топос аргументации, семантический индикатор, наложение, принцип диффузности, немецкий язык, Уве Тимм.

Ландшафтный дискурс, понимаемый нами в общем плане как дискурс о ландшафте, может являться частью других дискурсов разных типов: научного, рекламного, художественного и т.д. В романе в зависимости от тематики и от основной идеи фрагменты ландшафтного дискурса, реализованные, например, в описаниях ландшафтных форм, могут служить созданию хронотопа, фона повествования, а также характеризовать настроение героев, быть способом выражения оценки и средством психологизации повествования [Андреева 2018: 55]. Кроме того, ландшафт может выступать и в качестве предмета размышлений и обсуждений героев романа, что включает дискурс о ландшафте в схемы аргументации. Наша гипотеза состоит в том, что знания о ландшафте могут являться частью аргументационных структур, реализующих интенции автора / героев романа.

Материалом исследования является роман популярного немецкого прозаика Уве Тимма (Uwe Timm, род. 1940) “Der Schlangenbaum (Змеиное дерево)” (1986 г.) [Timm 1987], сюжет которого разворачивается в Латинской Америке, куда главный

герой инженер-строитель Вагнер отправляется по заданию своей фирмы для строительства бумажной фабрики. Проблематика романа У. Тимма, в творчестве которого осмысляются разные модели справедливого сосуществования в обществе, связана с художественным осмыслением проблем постколониализма [Hochmann 2008], связанных с вопросами преодоления в бывших колониях евроцентризма и соответствия декларируемых результатов деколонизации действительности [Будаев 2016: 14].

По справедливому замечанию Д. Зимо, У. Тимму удалось отразить суть отношений Европы с ее бывшими колониями: „*Wie bei nur wenigen deutschen Autoren der Gegenwart ist die Literatur bei Uwe Timm durchdrungen von dem Bewußtsein der Verwobenheit von Vergangenheit und Gegenwart einerseits und durch das Bewußtsein dessen, was heute Globalisierung genannt wird, andererseits, eine Globalisierung, die er speziell in dem Geflecht der Beziehung zwischen Europa und seinem Imperium betrachtet und als beunruhigende Wirklichkeit darstellt*“ [Simo 2002: 87].

В романе поднимаются темы отношения к ландшафту европейцев-(пост)колонизаторов. Экзотическая природа для них, с одной стороны, это стимул узнать и пережить нечто новое, а с другой стороны, объект преобразования и (часто) уничтожения. Осознание последнего ведёт к личностным проблемам и к утрате идентичности.

В данной статье мы обращаемся к возможностям описания ландшафтного дискурса, явленного в романе с точки зрения его включённости в аргументацию. Инструментом анализа выступает понятие «топоса аргументации», применяемое в риторике, при анализе дискурсов [Wodak 2017; Wengeler 2007; Захарова 2016] и в литературоведении [Махов 2011; Степанов 2018]. В наших наблюдениях мы исходим из нескольких теоретических положений.

Топос может выступать эффективной операциональной категорией исследования дискурса, так как он является частью дискурсивной стратегии аргументирования [ср. Захарова 2016: 220], связан с участником дискурса, определяется его интенцией и ре-

чевым жанром [Степанов 2018: 43]. Под топосом аргументации исследователи понимают некую схему мысли, возникающую по ходу аргументации в процессе достижения говорящим или пишущим участником дискурса цели коммуникации, то есть в ходе реализации его интенции [Махов 2011: 281]. Часто топосы базируются на общеизвестных знаниях или на неких знаниях, известных адресату, и способствуют повышению доказательности выводов.

Топосы не повторяют фрагменты языковой поверхности, они являются абстракциями, лежащими в основе высказываний и текстов. Для идентификации топосов исследователи опираются, например, на модель аргументации С. Тулмина, в которой в структуре каждого аргумента есть утверждение (*claim*), основание вывода (*data, ground*) и общее умозаключение (*warrant*), устанавливающее связь между основанием и выводом (утверждением) [Toulmin 2003: 89-95] и названное впоследствии топосом [Захарова 2016: 221].

Процедура анализа топосов включает выявление на языковой поверхности текста семантических индикаторов аргументации, слов или выражений, которые указывают на разворачивание аргументационной схемы в тексте [ср. Eemeren, Houtlosser, Henkemans 2007: 1] и построение самой схемы. Идентифицированные виды или типы топосов могут обозначаться как ключевые слова, например, *Vorurteils-Topos*, *Verständnis-Topos*, *Kultur-und-Überfremdungs-Topos*, *Belastungs-Topos* [Wengeler 2007: 173-177] или оппозиции, например, топос пользы / бесполезности, топос эффективности / неэффективности [Wodak 2011: 74; цит. по Захарова 2016: 223].

Топосы оказываются релевантными для анализа коллективных знаний, распространённых в обществе в определённое время, они выступают как инструмент анализа принятых в обществе способов мышления в какой-либо тематической области и не обязательно базируются на положениях формальной логики и истины [Wengeler 2007: 167-170]. В исследованиях, например, политического дискурса топосы применяются для анализа динамики обще-

ственного мнения о мигрантах [Wengeler 2007], или схем аргументации посланий президентов Федеральному собранию [Захарова 2016]. В литературоведении изучается сюжетообразующая роль топосов и описываются сюжеты, построенные на одинаковых топосах (например, «все люди смертны»), но различающиеся от автора к автору, от жанра к жанру и от эпохи к эпохе [Степанов 2018].

В романе как полидискурсном образовании, где могут фигурировать персонажи как представители разных социумов, культур и эпох, присутствуют фрагменты разных дискурсов. Топосы представляют собой некие «точки, в которых сходятся и расходятся далее линии аргументации», в этих точках могут пересекаться «разные культуры, разные эпохи и нации», обнаруживающие сходство приемов аргументации, «пути которой дальше могут расходиться: аргументы получают другой смысл, преследуют другие цели» [Махов 2011: 289]. При компаративном анализе разных фрагментов с одинаковыми топосами используется принцип наложения, обнаруживающий часто «различия аргументативных рисунков, в которые включены идентичные топосы» [там же].

В ходе анализа романа У. Тимма мы идентифицировали топосы, в которых присутствуют знания о ландшафте, или топосы, используемые для аргументации отношения к ландшафту, или действий, связанных с ним. Обратимся к примерам анализа некоторых топосов, связанных с фрагментами ландшафтного дискурса.

Так, в дискурсе о ландшафтах Южной Америки в рассуждениях и размышлениях главного героя романа проявляется ТОПОС НОВОГО РОЖДЕНИЯ / НАЧАЛА, который основан на осознании потенциальной возможности начать жизнь заново, стать другим человеком, обрести новый смысл существования. Аргументация, которая строится на этом топосе, может быть сформулирована следующим образом: если я а) уеду далеко от дома; б) преодолю большой путь, сопряжённый с множеством трудностей; в) увижу грандиозное явление природы (например, водопад), я получу второе рождение / стану другим человеком. В романе про-

слеживается многослойная структура реализации данного топоса. Главный герой аргументирует с его помощью свой отъезд из Германии, в его воспоминаниях детства существует история испанского конкистадора, возблагодарившего Бога за возможность первому из европейцев увидеть грандиозный водопад и ощутить «вечный день сотворения мира». Эта же история выступает для Вагнера как аргумент, чтобы самому отправиться к водопаду, а новая актуализация истории конкистадора происходит, когда Вагнера на вертолёте провозят вблизи водопада.

Семантическими индикаторами топоса в тексте романа являются лексемы и словосочетания тематических полей «новая жизнь» (*ein anderes Leben, der Neubeginn, ein anderer werden, der ewigwährende erste Schöpfungstag*), «путешествие» (*abgereist, um die halbe Welt gewandert, die andere umsegelt*), «трудности» (*ein verrostetes Eisenkleid, von den Stichen riesiger Insekten gepeinigt, die Pferde versinken in dem Boden, Blut und <...> Schmutz*), «массивный водопад» (*die Wasserfälle, stürzen die Fluten aus dem Himmel, diese brüllenden Sturzbäche, Regen Gottes*). Но в контекстах реализации топоса могут эксплицироваться не все индикаторы.

Обратимся к примерам реализации топоса в тексте романа. Пытаясь самому себе объяснить свой отъезд в Латинскую Америку, Вагнер далеко не сразу приходит к выводу о его истинных причинах:

(1) <...> *es war der Wunsch nach einem anderen Leben, einem Neubeginn, die Sehnsucht ein anderer zu werden, mit diesem Wunsch war er, ohne sich dessen ganz bewusst zu sein, abgereist* [Timm 1987: 230].

Истоки аргументационной схемы Вагнера – в его детстве, он интуитивно знает о них (*Er habe ja <...> schon als Kind nach Südamerika in den Dschungel reisen wollen* [Timm 1987: 18]). Но он не решается оперировать ими в разговоре с женой (*als Erklärung für seinen schnellen Entschluss war das nur ein kindisches Argument* [там же]). Оказавшись недалеко от водопадов, про которые он читал

в детстве, Вагнер отправляется к ним в самостоятельное путешествие через джунгли, чуть не закончившееся для него исчезновением:

(2) *Die Straße, auf der er jetzt fuhr, führte nach Norden, zu den Wasserfällen. Er hatte von diesen Wasserfällen schon als Kind gelesen, wie sie entdeckt worden waren <...>. Cabeza de Vaca war auf die Knie gefallen in seinem verrosteten Eisenkleid: Er hatte den Tag der Schöpfung gesehen* [Timm 1987: 232].

Лишившись в путешествии через джунгли документов, денег, автомобиля, а в конце и свободы, испытав заключение под стражу, унижение, Вагнер неожиданно вновь обретает свободу, перед ним извиняются, его сажают в вертолёт и везут обратно к месту строительства. Пилот сам проявляет инициативу, чтобы показать Вагнеру величественные водопады. Так реактуализируется история испанского конкистадора:

(3) *<...> Urwald, der wie eine grüne Wolkendecke unter ihnen lag. Durch dieses Grün kämpfte sich Cabeza de Vaca. Er dampft in seinem Eisenkleid, von den Stichen riesiger Insekten gepenigt, die Haut mit Schwären bedeckt. Von den Bäumen rieselt blauschwarz der Blütenstaub... Seit Tagen hört er das geheimnisvolle Rauschen, das langsam lauter wird, je weiter sie sich durch diese grüne Nacht vorankämpfen.*

Die Pferde versinken in dem Boden, der tausendjährige Feuchtigkeit ausdünstet, bis sich plötzlich der Wald öffnet. Schäumend stürzen die Fluten aus dem Himmel. Sie waschen das Blut und den Schmutz ab, sie tilgen alle Wüsten der Welt. Aus dem Wasser steigen Nebel, Gischt und ein Regenbogen. Cabeza de Vaca fällt auf die Knie. Diese brüllenden Sturzbäche sind Gottes fruchtbringender Samenerguss, sie sind der ewigwährende erste Schöpfungstag. Um diesen Regen Gottes zu entdecken, ist Cabeza de Vaca um die halbe Welt gewandert und hat die andere umsegelt. Um dies zu schauen, wurde er mit Augen geboren. Sein restliches Leben ist von nun an ein Geschenk [Timm 1987: 268-269].

Вставка истории конкистадора – это пример наложения дискурсов: У. Тимм заимствует историю открытия водопадов из книги Эдуардо Галеано [Timm 1987: 300]. Благодаря принципу диффузности, реализованному на дискурсивном уровне, проис-

ходит некое совмещение участников дискурса – увиденное и пережитое испанским первооткрывателем воссоздается перед мысленным взором современного немецкого инженера. Вывод о том, переживает ли сам Вагнер то же самое, не очевиден и уходит в подтекст романа.

ТОПОС ПРОГРЕССА основан на осознании того, что для крупномасштабного строительства необходима вырубка лесов, а следовательно, и изменение ландшафта; носителями прогресса выступают европейцы (англичане, немцы). Аргументация, построенная на топосе, может быть сформулирована следующим образом: если мы стремимся к прогрессу, необходимо для успешного строительства уничтожить лес, в этом нам помогает современная техника. Для главного героя изменение ландшафта в ходе строительства является основной составляющей его профессиональной деятельности.

В романе реализация топоса прослеживается в ряде фрагментов: в дискурсе рекламного ролика строительной кампании, который Вагнер видит на экране телевизора, в разговорах Вагнера с коллегами Гартманом и Штайнхорстом. Семантическими индикаторами топоса в тексте являются лексемы и словосочетания тематических областей «развитие, цивилизационный прогресс» (*der Weg in die Zukunft, Industrie und Technologie*), европейская цивилизация / культура (*Beethovens «Freude, schöner Götterfunken», England*), уничтожение леса (*Eichenwälder <...> sind verschwunden, Bäume <...> geschlagen, das Gelände <...> abgebrannt*), лес (*Urwaldgestrüpp, Wald, Eichenwälder*), строительная техника (*ein kolossaler Bulldozer, Planiertraupen, Teermaschine*).

Дискурс рекламного ролика воспринимается и воссоздается главным героем, вербализующим увиденное на экране. Им же эксплицируется и основная мысль – «путь в будущее прокладывает строительная фирма». Таким образом осуществляется наложение дискурсов: официальная аргументация фирмы, нанявшей Вагнера, легко понимается им в зрительных и музыкальных образах, ср.:

(4) *Dann kamen plötzlich Reklamespots <...> ein kolossaler Bulldozer bahnte sich einen Weg durch das Urwaldgestrüpp, sechs über-schwere **Planierraupen** schoben einen kleinen Hügel beiseite, ein Berg flog in die Luft, in Zeitlupe wurden Felsbrocken in die Erde gewuchtet, hinter einer Planierraupe schob sich eine **Teermaschine** durch die Landschaft, dahinter rasten die **Autos** auf der fertigen Autobahn in das ovale Zeichen seiner Firma am Horizont, begleitet von **Beethovens «Freude, schöner Götterfunken»**. Das also war der **Weg in die Zukunft** [Timm 1987: 37].*

Необычайная лёгкость работы машин и быстрый результат, показанный в рекламном ролике, отвечают интенциям рекламного дискурса, стремящегося преуменьшать сложности и преувеличивать эффект. Но в реальной жизни работа строительной кампании направлена на систематическое уничтожение лесов, о котором говорит коллега Вагнера Штайнхорст:

(5) *Steinhorst hatte erzählt, dass **das Gelände** alle drei Monate **abgebrannt** werden müsse. Erst wenn über große Flächen hinweg **Bäume** für Papierfabrikation **geschlagen** worden seien, wiche der **Wald** und mit ihm das nachwuchernde **Grün** [Timm 1987: 52-53].*

Коллега Вагнера Гартман в связи с уничтожением лесов высказывает мысль о том, что такие действия являются ошибкой, а европейцы оставляют после себя пустыню. Вагнер спорит и аргументирует свою точку зрения, опираясь на топос прогресса и приводя в пример Англию, дубовые леса которой превратились в корабли, в строительные леса и древесный уголь. По его мнению, достаточно и одного дуба на лужайке:

(6) *Das hinterlassen wir, sagte Hartmann, diese Ödnis, diese Mondlandschaft, das ist das, was uns folgt, die Wüste.*

*<...> Wagners Antwort fiel aggressiver als beabsichtigt: Wollen Sie den Leuten hier die **Industrie und Technologie** vorenthalten? ...*

*Nein, aber die müssen doch nicht die gleichen **Fehler** wiederholen.*

*Was heißt Fehler, sagte Wagner, ich fahre gern nach **England**, ich mag die Landschaft, das Grün der Wiesen und darin, hin und wieder, eine **Eiche**. Früher standen da **Eichenwälder**, die sind verschwunden,*

*sind in Schiffsplanken, Grubenholz und Holzkohle umgewandelt worden. **Eichenwälder langweilen mich. Man hat keinen Ausblick*** [Timm 1987: 126].

Таким образом, топос прогресса представляет устоявшуюся схему аргументации индустриального общества, активно используется в рекламе, но начинает ставиться под сомнение в постколониальную эпоху.

В конце романа Вагнер меняет и своё отношение к лесу и отношение к преобразованию ландшафта в ходе строительных работ. В его аргументации появляется противоположный топосу прогресса ТОПОС РАЗРУШЕНИЯ / РАСПАДА, основанный на представлении о фатальности неких сил, на которые человек не в состоянии повлиять. Схему аргументации можно сформулировать следующим образом: если есть мощные силы, противодействующие моим устремлениям, нет смысла сопротивляться. Примером реализации топоса в тексте являются размышления Вагнера о тщетности строительства с использованием некачественного бетона, когда разрушение закладывается в сам фундамент, чему у него больше не возникает желания противодействовать. На строительной площадке он уже не настаивает на выполнении всех требований к фундаменту и к качеству бетона, теряет былую целеустремлённость и принципиальность, выбирая роль путешественника и наблюдателя. Ср.:

(7) *Wagner <...> gab den Arbeitern ein Zeichen weiterzuarbeiten <...> es war vielmehr seine Neugier auf das, was kommen würde, eine **geheime Lust an dem Zerfall**, einem Zerfall, der alles und jedes erfasst hatte, ja, der sogar schon im Aufbau steckte. Er sah die Dinge wie aus einer großen Distanz und **mit den Augen eines Reisenden** <...> er wollte **nicht mehr eingreifen*** [Timm 1987: 279].

Топос прогресса, включающий обесценивание ландшафта, которое Вагнер оправдывал его неинтересностью и отсутствием перспективы (см. б), больше не работает в его системе аргументации. Напротив, у него возникает желание не просто пройти и соприкоснуться с джунглями, но назвать разные оттенки зелёного

цвета и узнать имена деревьев, он ощущает бедность собственно-го языка, в котором нет стольких средств означивания. Ср.:

(8) <...> *schon der Versuch, die verschiedenen Blattformen und Tönungen des Grüns zu sehen, machte ihn ganz wirr, und er dachte, wie arm die Sprache war, um dieses nach oben drängende, lichtschluckende Grün zu bestimmen, also auch wahrzunehmen. Er hatte einmal von einem Indianerstamm am Amazonas gelesen, der mehr als zweihundert Wörter für die Bestimmung des Grüns hatte... Wagner wollte <...> mit Juan treffen, nur der würde ihm die Fragen beantworten können, die ihn bewegten, wie diese riesigen Bäume hießen <...>* [Timm 1987: 252-252].

Таким образом, ландшафтный дискурс в романе У. Тимма участвует в сложных аргументационных схемах, позволяющих автору задействовать широкий пласт дискурсивных взаимосвязей как внутри текста, так и вне его. Романый дискурс о ландшафтных формах, об их особенностях, отношении к ним человека являет себя в тематике обсуждений, размышлений героев / автора / наблюдателя, а будучи рассмотренным в интердискурсивном плане выступает частью более глобального дискурса обсуждаемых современным обществом проблем. Автор тем самым оказывается вовлечённым в осмысление происходящего, он обозначает средствами художественной литературы своё видение. Приём наложения разных дискурсов, принцип диффузности, переворачивание топосов позволяет автору романа создавать предпосылки критических размышлений, сопоставлений читателя о значимости природных ландшафтов, об их роли в истории как отдельного человека, так и цивилизации в общем.

Библиографический список

1. Андреева В.А. Повествовательный потенциал дескриптива // Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете. Вып. VII: Дискурсивные аспекты языковых феноменов: сб. ст. / под ред. С.Т. Нефёдова, И.Е. Езан. – СПб.: изд-во С.-Петерб. ун-та, 2018. С. 52-62.

2. Будаев Э. В. Критический анализ политического дискурса: основные направления современных зарубежных исследований // Политическая лингвистика. 2016. № 6 (60). С. 12-17.

3. Захарова О.В. Идентификация и анализ топосов (аргументационных схем) в политическом дискурсе // Политическая наука. 2016. № 3. С. 217-235.

4. Махов А. «Историческая топка»: раздел риторики или область компаративистики? // Вопросы литературы. 2011. № 4. С. 275-289.

5. Степанов А. Д. Понятие «топос» – проблема границ // Мир русского слова. 2018. № 2. С. 41-46.

6. Eemeren F.H., van, Houtlosser P., Henkemaans A.F.S. Argumentative indicators in discourse. A pragma-dialectical study. – Dordrecht: Springer, 2007. 234 p.

7. Hochmann B. Uwe Timms Roman «Der Schlangenbaum». Zum Umgang mit kultureller Alterität in postkolonialen Gesellschaften. 2008. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.grin.com/document/121727> (Дата обращения: 11.10.2022).

8. Simo D. Literarische Methoden der Interkulturalität bei Uwe Timm am Beispiel „Morenga“ und „Der Schlangenbaum“ // Comperativ 12. 2002. № 2. S. 69-87.

9. Toulmin S. E. The Uses of Argument. – New York: Cambridge University Press, 2003. 247 p.

10. Wengeler M. Topos und Diskurs – Möglichkeiten und Grenzen der topologischen Analyse gesellschaftlicher Debatte // Warnke I.H. (Hrgs.) Diskurslinguistik nach Foucault. Theorie und Gegenstände. – Berlin, New York: Walter de Gruyter, 2007. S. 165-183.

11. Wodak R., Reisigl M. The Discourse-Historical Approach // The Routledge Handbook of Critical Discourse Studies. – London: Routledge, 2017. P. 87-121.

Источники

1. Timm, Uwe. Der Schlangenbaum. – Berlin und Weimar: Aufbau-Verlag, 1987. 300 S.

E.V. Bespalova (Russland, Samara)

**DER LANDSCHAFTLICHE DISKURS IM ROMAN:
ARGUMENTATIONSTOPOI**

Der Artikel widmet sich der Möglichkeiten der Beschreibung vom landschaftlichen Diskurs im modernen Roman vom Standpunkt seiner Einbeziehung in die Argumentation. Als Werkzeug der Analyse dient der Begriff von Argumentationstopos. Es werden Realisierungen von Progress-Topos, Topos von Neugeburt und Neuanfang und Zerfall-Topos verglichen. Im Prozess der Analyse werden Argumentationsschemata formuliert und semantische Indikatoren der Topoi identifiziert.

Schlüsselwörter: landschaftlicher Diskurs, Argumentationstopos, semantischer Indikator, Überlappung, Prinzip der Diffusion, Deutsch, Uwe Timm.